

© 2003 г.

М.С. ЕЛЬЧАНИНОВ

РОССИЙСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СИНЕРГЕТИКИ

ЕЛЬЧАНИНОВ Михаил Семенович - кандидат социологических наук, доцент Тольяттинского государственного института сервиса.

Новейшая история свидетельствует о том, что глобальная бифуркация - объективная перспектива современной цивилизации, хотя конкретные очертания будущего не ясны. Экзистенциальные риски технократической практики, стимулируемой гедонистической этикой, дестабилизируют социальный мир и проблематизируют будущее человека. В этих условиях алгоритмы и правила, характерные для стабильного состо-

яния общества, перестают действовать с прежней результативностью, напротив, часто вызывают эффект бумеранга. Вероятны трансформационные катаклизмы. Уже сегодня радикально меняются содержание и структура жизни людей. Человек оказался в социальном, политическом, культурном и информационном пространстве, где исчезла ясность, а вызовы нарастают.

Радикальные социальные метаморфозы и кризисы характерны для постсоветской России, где процесс трансформаций (переход от социализма к капитализму) развивается по бифуркационному сценарию. Нестабильное общество проявляет нелинейные эффекты. Однако в политике доминируют линейно-монистические установки, которые не соотносятся с системной трансформацией. Это порождает негативные последствия провозглашенных реформаторами благих целей. "История как бы насмехается над действиями тех реформаторов, которые пытаются сконструировать в социальной среде нечто, не отвечающее ее природе, навязать среде путь эволюции без учета ее собственных внутренних эволюционных тенденций, В таких случаях общество попадает в "капкан истории", приходит к труднопоправимому кризисному состоянию" [1, с. 40].

Синергетические эффекты, торжество утопий и социальное экспериментирование часты в истории российских трансформаций, обернувшихся, например, катастрофами в начале и в конце XX столетия. Как отмечает Э. Ласло, "царская Россия внутренним расколом и проигранной войной в 1917 году была выведена за свой порог стабильности. Система рухнула, и из хаоса Октябрьской революции возникли Ленин и неожиданный марксистский режим большевиков - тот самый, который в свою очередь рухнул в 1991 году в момент очередной неожиданной бифуркации" [2, с. 28].

Опыт нашей страны свидетельствует, что монокаузальное мышление в политике и социальной инженерии ведет к катаклизмам. Драматические события в современном мире и России выявляют методологические границы существующей социальной практики. Это, в свою очередь, требует новых подходов к осмыслению происходящей трансформации.

Новые концептуальные возможности открывает системно-синергетическая методология [3]. Социальная синергетика исследует нелинейные изменения и процессы самоорганизации, возникающие в неустойчивом, неравновесном обществе, акцентирует внимание на аспектах социальной реальности, которые в классических теориях рассматриваются как второстепенные и случайные, хотя в кризисной ситуации, особенно в момент бифуркации, могут сыграть решающую роль.

Согласно синергетическим принципам, социальная система, оказавшись в режиме бифуркации, может быть выведена из него на основе новых базисных структур, ценностей и норм поведения. В этот момент негативную роль играет концептуально-рационалистическая слабость реформ, социальное мифотворчество, моральная деградация. В точке бифуркации случайность, малые флуктуации серьезно влияют на судьбу социума, выходящего на новую траекторию исторической эволюции, чтобы обеспечить себе устойчивость в социальном и геополитическом пространстве. В противном случае социум обречен на дезинтеграцию, хаос и распад.

Эти закономерности синергетики проявляются в процессах, которые стимулируют социальный хаос в современной России. Например, сегодня мода, имидж и шоу значат

в российском обществе больше, чем научные знания. СМИ транслируют артефакты массовой культуры Запада, насаждая в России моральные девиации, СМИ наркотизируют воображение людей мифами о сладкой жизни, игнорируя реальные возможности кризисного общества. Манипуляции массовым сознанием делают большинство населения объектом информационной агрессии, выгодной правящей элите, поскольку путем символического насилия можно изменить когнитивные и оценочные структуры, навязать обществу новое видение социального мира [4].

Трансформационный процесс осложнен тем, что демократизация и глобализация открывают Россию мировым информационным и культурным потокам, резко увеличивая дифференциацию идеологического поля и, соответственно, возможности политического манипулирования, с помощью которого правящая элита компенсирует не-

достаток интеллектуальных ресурсов, необходимых для эффективной реформаторской политики. Отсутствие научных знаний, адекватных сложности бифуркационной ломки социетальной системы, усугубляется радикалистскими импровизациями властей, делающих упор на либерализм и рыночную стихию. Как считает Дж. Стиглиц, "модели реформ, опирающиеся на общепринятые положения неоклассической теории, скорее всего, недооценивают роль информационных проблем, в том числе проблем корпоративного управления, социального и организационного капитала, а также институциональной и правовой инфраструктуры, необходимой для эффективного функционирования рыночной экономики" [5, с. 4].

В обстановке "шоковой терапии" квазидемократическая власть, контролирующая политический, экономический и идеологический капитал государства, эксплуатирует социальные мифы. Используя современные информационные технологии, она реализует выгодную ей индоктринацию массового сознания. Символическое внушение через СМИ маскирует неудачи постсоциалистической либеральной политики, трансформирует восприятие жизни в России, создавая альтернативную версию прошлого и настоящего. В результате социальная и политическая реальность российского социума сводится к эскападам поп-звезд, криминальным эксцессам, девиациям или, напротив, к привлекательным абстрактным словам (свобода, плюрализм, реформа), чуждым большинству населения. Тем самым символически санкционируется новый политический режим, который, несмотря на демократические декларации, защищает в первую очередь корпоративные интересы элит. Как пишет А.И. Неклесса, "кризис современной демократии носит системный характер. Массовое общество потребления заметно отличается от гражданского общества Нового времени. Степень его управляемости выше (в том числе и за счет развития технических средств управления массовым поведением), провоцируя тем самым развитие вполне легальных политических технологий, извращающих и подрывающих основные принципы демократии, наподобие института народного волеизъявления и публичности политики, превращая их, по сути, в фикцию" [6, с. 70]. В итоге олигархическая политика, мотивированная примитивной психологией потребления и конъюнктурой, порождает деструктивные последствия, в том числе - гипертрофированную социальную поляризацию, деградацию, -безысходную реальность для большинства населения.

Россия оказалась в неустойчивом состоянии. Для нее характерны как локальные, так и глобальные риски. Трансформация экономики причиняет ущерб производству и жизненным интересам большинства населения страны. По оценке Д.С. Львова, "производительность труда за восемь реформенных лет сократилась примерно на 1/3 по сравнению с ее дореформенным уровнем, а реальная заработная плата наемных работников упала более чем в 2,5 раза" [7, с. 39]. Социологи свидетельствуют, что социальная поляризация, бедность и нищета вызывают социальную и физическую деградацию основной массы населения. "Начиная с 1992 года, в России происходит процесс естественной убыли, который не покрывается положительным сальдо миграции. За истекшие 7 лет потери депопуляции составили около 5 млн. человек" [8, с. 10]. Депопуляция - обобщающий показатель итогов либералистской модернизации, дикого капитализма, обрекающих Россию на историческое отставание и, возможно, социальный коллапс.

Драматический момент русской истории требует посмотреть на ситуацию с точки зрения социальной синергетики, ее идей нелинейной исторической динамики. С этой точки зрения, трансформационное развитие общества представляет собой процесс социальной самоорганизации, который реализуется в форме взаимодействия социального порядка и социального хаоса [9]. Социум противоборствует энтропии. В нем постоянно действуют противоположные тенденции к порядку и беспорядку. В результате дисбаланса социум попадает в ситуацию, далекую от равновесия, а затем, если процесс продолжается, в режим катастрофы.

Понятие "катастрофа" применительно к изучению кризисных процессов имеет два значения: а) оно характеризует масштабы кризиса, б) содержит элемент внезапности и непредсказуемости системной трансформации. Согласно теории перестроек, "катаст-

рофами называются скачкообразные изменения, возникающие в виде внезапного ответа системы на плавное изменение внешних условий" [10, с. 8]. Теория катастроф - подход к исследованию переходных процессов. Одна из проблем здесь - вопрос о механизмах возникновения состояний неустойчивости и нелинейности. По словам Н.Н. Моисеева, "организация системы обладает пороговыми состояниями, переход через которые ведет к резкому качественному изменению протекающих в ней процессов, к изменению самой организации" [11, с. 32].

Будучи устойчивой, социетальная система справляется с возникающими проблемами, поскольку обладает адаптивными возможностями, которые реализуются управленческим механизмом. Метастабильное развитие общества сопровождается многообразными изменениями. Новые проблемы могут требовать перестройки социетальной макроструктуры, чтобы конструктивно ответить на вызов времени. Если в этот момент социальные флуктуации не достигают порогового значения, возврат к стабильности возможен. Когда изменения накапливаются и параметры социетальной системы обретают критические значения, наступает кризис, когда привычные модели управления, как правило, вызывают эффект бумеранга. В этом состоянии усиливается дисфункция социума, и его возвращение к стабильному состоянию проблематично. Дезорганизация многократно возрастает, открываются альтернативы разрешения кризиса социума. Снижается степень предсказуемости поведения социетальной системы, затрудняя действия политиков и реформаторов.

В условиях нарастающего социального хаоса социум стремится реформировать некоторые подсистемы, чтобы обеспечить стабильное функционирование и продуктивное развитие. Реформа одной подсистемы не преобразует кардинально всю социетальную систему. Последняя сохраняет интегральное качество. Однако, если преобразование охватывают большинство подсистем, система может утратить механизмы и закономерности. Общество рискует не сохранить стабильное состояние и, более того, реформами спровоцировать катастрофу. Общество находится в крайне неустойчивом состоянии, и в нем возникает, обостряясь со временем, конфликт старой институциональной структуры с новыми социальными идеалами, ценностями и интересами. В период социетальной бифуркации возрастают нелинейные эффекты, появляются исторические альтернативы. Кардинальную роль в этом синергетическом процессе играют знания, информация и мифология. Как считает М. Кастельс, "новая власть заключается в информационных кодах, в представительских имиджах, на основе которых общество организует свои институты, а люди строят свои жизни и принимают решения относительно своих поступков. Центрами власти становятся умы людей... Вне зависимости от того, кто выйдет победителем в битве за умы людей, именно он будет править миром, поскольку в обозримом будущем никакие громоздкие, неповоротливые механизмы не смогут соперничать с умами, опирающимися на власть гибких, многовариантных сетей" [12, с. 304].

Новые социально-культурные знания, идеалы и ценности стимулируют кризис старой идеологии и ускоряют делегитимацию существующего политического режима и правящей элиты. В этой ситуации возникает проблема выбора нового пути. Дилемма для разрешения предстает как динамичная нелинейная комбинация исторических альтернатив. Необходимость выбора конкретной альтернативы вызывает в обществе обострение конкуренции и фетишизацию картин будущего. Стремление к новизне воплощается, в частности, в производстве абстрактных идеалов, доктрин и утопий, иллюзий (свобода, демократия, рынок). В обстановке хаоса люди поддаются суггестивному влиянию со стороны СМИ, которые посредством PR-технологий манипулируют поведением масс, гипнотизируя их виртуальной картиной грядущего. В коллективном сознании возникает "эффект футуристической новизны". На его фоне резко девальвируются прежние идеалы и ценности. Манипуляторы осуществляют скрытую модификацию ценностей, установок, идеалов людей, меняя их мировосприятие и поведение. Постбифуркационный социум самоструктурируется на основе новой символической матрицы, носящей мифологический характер.

Трансформация общества демонстрирует синергетические феномены, которые необходимо учитывать в практике. Правящая элита постсоветской России демонстрирует приверженность линейным мышлению и политике, хотя жизнь проявляет нелинейные эффекты ("хотели как лучше, а получилось как всегда"). Пренебрежение синергетическими аспектами трансформации чревато опасностями, которые имеют нелинейный характер и могут вызвать лавинообразное нарастание хаоса. Общество в момент бифуркации имеет дело не только с линейными процессами, ясными и предсказуемыми, но и прежде всего с синергетическими, которые имеют контринтуитивный характер.

Катастрофические процессы возникают в результате спонтанной активности социетальной системы, когда ее пытаются регулировать управляющими воздействиями, несообразными с зарождающимися тенденциями. Эта самопроизвольная активность может вызвать лавинообразные следствия благодаря эффекту нелинейности флуктуации, вывести кризисный социум за порог стабильности и спровоцировать бифуркацию. Катастрофу невозможно предотвратить, когда признаки ее приближения проявились. Процесс бифуркации развивается слишком быстро, и устойчивое состояние разрушается скачком [10, с. 48]. Случайность может вызвать эффект резонанса, и тогда крах старого становится неизбежным. Распад макросоциальной структуры - теперь вопрос времени. Постфактум бифуркация кажется случайной. Более того, возникает иллюзия, будто процесс можно не допустить; достаточно в критический момент принять правильное решение, которое якобы восстановит функциональные возможности социума. Однако, как показывает опыт, "когда политический режим начинает рассыпаться, "вирус дезинтеграции" быстро распространяется всюду, заражая все институты, проникая во все щели. Падение режима - обычно результат не столько усилий революционеров, сколько одряхления, бессилия и неспособности к созидательной работе самого режима" [13, с. 37].

Крах коммунистического режима перед Россией открыл альтернативные возможности. Выбор пути развития предстал как результат политической игры и борьбы партий и группировок, преследовавших корпоративные интересы, правда, завуалированные. В начальный момент политической борьбы программы преобразования общества не поддаются рациональной верификации, что открыло широкие возможности социального мифотворчества, манипуляций массовым сознанием. К тому же крах старого порядка вызвал эйфорию; казалось, все возможно в новой жизни. Это породило завышенные ожидания у большинства населения страны, и рост относительной депривации принял угрожающий характер. В то же время абстрактная идеализация будущего создала благоприятные условия для манипулирования возбужденными толпами. Утопические настроения, инспирируемые производителями идеологической продукции, захватили массовое сознание российского общества, став движущей силой политического процесса.

В бифуркационный период этот процесс предстал как неустойчивая конфигурация конкурирующих альтернатив. Выбор конкретной альтернативы зависел от харизматического лидера и иррациональности масс. В контексте политической борьбы за власть определялся вопрос об альтернативе постсоветской России; 1) либерально-демократический капитализм; 2) дикий, криминальный капитализм; 3) демократический социализм; 4) реставрация государственного социализма; 5) анархия, хаос, развал и гибель государства.

В период постперестройки в поле политики действуют радикальные демократы, умеренные демократы, социал-демократы и коммунисты. Соотношение этих сил меняется. Радикальные националистические группировки маргинальны. Логика поляризации политического поля ведет к тому, что основной конфликт развивается между радикальными демократами и коммунистами. В этой ситуации перспективы социальной демократии проблематичны, хотя не исключено, что в будущем модель демократического социализма будет востребована сильно дифференцированным обществом.

После падения коммунистического режима, казалось, наступил звездный час радикальных демократов и либеральной идеологии. В стране была создана инфраструктура

ра демократии и рыночной экономики, но эйфория исчезала по мере нарастания экономического, политического и социального кризиса. Будущее демократии, правового государства и гражданского общества становилось проблематичным, поскольку либерализация цен, инфляция и приватизация дали импульс теневой экономике; криминализация государства и общества стала тенденцией трансформации. Как писал М. Вебер, "капитализм по своему типу может выступать как авантюристический, торговый, ориентированный на войну, политику, управление и связанные с ними возможностями наживы" [14, с. 53].

Авантюристический капитализм стал уделом постсоветской России. Казалось, в ходе реформирования главная борьба происходит между демократами и коммунистами. На деле в кризисном обществе, где быстро разрушались традиционные социальные связи, трансформационный процесс определялся латентной организованной преступностью. Отсутствовал консенсус, необходимый для эффективного государственного управления, и наиболее структурированной и агрессивной оказалась мафия, эксплуатирующая теневую экономику. В ситуации кризиса мафия в союзе с бюрократией развязали, по существу, криминальную войну за сферы влияния в экономике и настолько диверсифицировали свои нелегальные структуры, что смогли в своих интересах контролировать институты государства. Деградирующая управленческая элита стала дисфункциональной. В ней под влиянием субкультуры преступного мира утвердилось господство неформальных отношений, сегодня более действенных, чем право. Альянс мафиозных и бюрократических структур в момент бифуркации оказал формирующее воздействие на структур-аттрактор (демократия/рынок) российского социума. Криминалитет моделировал макросоциальный образец России по своим признакам. Генотип социетальных структур после бифуркации 1991 года запечатлел структурные и функциональные свойства теневой экономики и мафии. Постсоциалистическая Россия была организована в соответствии с правилами и ценностями мафиозно-бюрократического мира; криминальный капитализм равнодушен к национальным интересам России. Для режима Ельцина либеральный курс был не только идеологической риторикой, но и орудием олигархической политики, с помощью которой конституировался не либерально-демократический, а дикий и криминальный капитализм.

На динамику социальной самоорганизации значительное влияние оказывает внешняя среда, усиливая или замедляя процессы в обществе. По мнению П. Сорокина, "космическая среда как совокупность природных условий является фактором, определяющим поведение человека, уклад и ход общественной жизни" [15, с. 85]. Действительно, чтобы существовать, человеческое общество непрерывно ведет с природой обмен веществом, энергией и информацией. Природные условия оказывают многообразное воздействие на социум, хотя это влияние относительно, поскольку люди не только адаптируются к природе, но и активно приспособляют ее ресурсы к своим потребностям.

В отечественной истории природно-географический фактор играет кардинальную роль, действуя как структура, определяющая материально-экономические и геополитические макропроцессы. Российский социум испытывает сильное и противоречивое воздействие суровых природных условий, которые, по-видимому, и создают *хреодный эффект*, затрудняющий российский исторический процесс, «Хреодный эффект означает, что в силу случайных причин то или иное явление может начать развитие по неоптимальному пути, причем чем дальше продолжается такое развитие, тем труднее "свернуть" с выбранной траектории, [16, с. 51].

Северное местоположение, пространства и климатические условия страны способствовали развитию социальных структур, обеспечивавших историческое выживание России в рискованной геополитической среде. Атрибутами российской цивилизации стали империя, авторитарная власть, экстенсивная экономика, коллективизм, централизация управления, милитаризм и терпение народа. Вследствие этих же причин в России исключительно большую роль играла военно-государственная структура с сильной авторитарной властью, способная гарантировать относительную безопасность страны. Россия оказалась в порочном кругу: государству нужна большая и силь-

нал армия, чтобы защищать территорию страны, но для содержания армии нужны растущие материальные и людские затраты. "По этой причине, - писал Д. Хоскинг, - все российские правительства выдвигали защиту своей территории в качестве главного приоритета, в чем находили полную чистосердечную поддержку своего населения. Национальная безопасность была в действительности чем-то большим, нежели приоритет, - одержимостью, которой при необходимости все остальное приносилось в жертву при восторженном одобрении народа" [17, с. 14].

Угрозы с Запада и Востока требовали концентрации скудных ресурсов страны. Реализовать эту стратегию выживания, по-видимому, можно было только с помощью авторитаризма и империи, которые доказали жизнеспособность. Российский социум неизменно до 90-х годов XX века воспроизводил институциональную структуру, адекватную императиву выживания, но неэффективную для инновационного развития. Функционируя в режиме имперского аттрактора, эта структура не смогла преодолеть отставание российской экономики от европейской. Тем не менее, геополитическая самоорганизация привела к созданию империи, хотя ее территориальное расширение, особенно в восточном направлении, было скорее следствием географического пространства страны, чем результатом амбиций правящей элиты. Так Россия гарантировала, несмотря на проблемы в национальном аспекте, существование народа в суровых природно-географических и геополитических условиях, не благоприятствовавших развитию институтов европейской цивилизации.

Россия - наиболее северное государство мира с самым холодным климатом. Вечная мерзлота в России занимает 53% территории (9 млн. кв. км), требуя колоссальных ресурсов для обеспечения приемлемых условий жизни человека, особенно для жилищного и транспортного строительства [18, с. 110]. Неблагоприятные географические факторы породили изначальную отсталость, которую Россия пока безуспешно стремится преодолеть; "...из-за огромной территории и чрезвычайно холодного климата Россия потребляет лишь около 40% действительно необходимой энергии..." [19, с. 76-77], а львиную долю энергопотребления вынуждена тратить на нейтрализацию суровых природных условий, вместо производства материальных и духовных благ. Отрицательное воздействие природно-климатических и геополитических факторов на российский социум усугубляется демонстрационным эффектом Запада, который развивается в более благоприятной природной среде. Это периодически актуализирует проблему модернизации России, которая вынуждена отвечать на вызов Запада. Как отметил И.К. Пантин, "на протяжении трех столетий (с конца 17 в.) потребность в реформах, обусловленная воздействием сил европейского масштаба, складывалась в России раньше, чем страна созрела для перемен" [20, с. 83].

Эти обстоятельства истории определили парадигму развития российского социума, ключевую роль догоняющей модернизации. В результате петровских реформ в России утвердилась и затем репродуцировалась имперская модель догоняющей модернизации как устойчивый образец российского реформирования. Экономический подъем страны, развитие военной промышленности и перевооружение армии, как правило, достигались огромным напряжением сил народа. В свою очередь, "действуя со свойственной им решительностью и жестким фанатизмом, большевики преодолели общественные и культурные противоречия старой имперской России путем создания значительно более централизованного государства, резкого сокращения социального многообразия и систематического подавления потенциальных источников оппозиции... Беспрецедентная концентрация власти была использована для превращения советской производственной базы и самого общества в централизованно управляемую индустриальную машину, конфигурация которой определялась всеподчиняющей задачей защиты от враждебного капиталистического окружения" [21, с. 20-21],

Отечественные реформы сосредоточивались на заимствовании европейских технических достижений в обмен на вывоз сырья. Милитаризация экономики сопровождалась ужесточением эксплуатации народа, - для российской элиты материал социальных экспериментов, имперских амбиций. Чтобы принудить народ к участию в ре-

формах, чуждых традиционной психологии, необходимы насилие, манипулирование и страх. Отсюда централизация и бюрократизация государственного управления, тем более что пространства России затрудняют воздействие центра на периферию. Сюда новации доходят с трудом или не доходят вообще. Заимствование европейской культуры происходит под давлением и контролем авторитарного государства, Политика имперской модернизации создает предпосылки обратной реакции общества на реформы. Поэтому для России характерно дискретное развитие: ответ на европейский вызов приводит к тому, что квазиустойчивая социально-политическая динамика страны прерывается перестройкой. Российский социум выбирает новую модель исторического развития, сочетающую инновации с традиционализмом, стимулируя реванш традиционалистов и контрреформы. Такие циклы модернизационного процесса - отличие российской истории, синергетические закономерности, определяющие повторы краха политических амбиций России/СССР, так как страна тратит на их реализацию больше ресурсов, чем ее конкуренты.

Коллизии отечественной истории свидетельствуют, что ослабление и упразднение политического центра империи всякий раз влекло за собой социально-политический хаос и крах авторитарной государственности (1603-1613 гг., 1917-1921 гг., 1985-1991 гг.). В эти периоды превалировала инверсионная реакция социума на избыточный авторитаризм. Российская смута выливалась в массовую анархическую стихию. Однако социальный хаос, насилие, произвол быстро выявляли неустойчивость охлократии как формы самоорганизации. В результате подтверждалась авторитарность государства (империи) как гарант порядка и стабильности. Структуры России после очередной социальной катастрофы не упразднялись, а модифицировались, усугубляя хронический эффект имперской модернизации.

Трансформации в современной России зависят и от взаимоотношений с мировым сообществом. "Россия под влиянием как полученного постсоветского наследия, так и собственного авантюристического подхода к реформам, объективно является пока аутсайдером глобализационных процессов. Она еще не субъект, но объект глобализации, тем более желанный для внешних сил, что обладает уникальным комплексом экологических и природных ресурсов. Объективно Россия - последняя значительная по размеру, расположению и природным ресурсам территория планеты, минимально включенная в процессы колонизации Земли капитализмом. Главная задача России на всю рассматриваемую перспективу - вписаться в глобализацию, не став жертвой глобалистского неокOLONIALИЗМА" [22, с. 163-164].

Синергетическое видение позволяет по-новому посмотреть на место и роль России в процессе глобализации. Любая социетальная система абсорбирует вещество, энергию и информацию, чтобы поддерживать свое функционирование и продуктивное развитие. В этом случае социум может выйти на режим социальной самоорганизации, генерируя новую институциональную макроструктуру, способную обеспечить более высокий уровень развития. Общество выступает как потребитель ресурсов, необходимых для его структурной перестройки и, в конечном счете, для прогрессивного развития. Но не всякая открытая социетальная система способна на это. Если в обществе отсутствуют жизнеспособные структурообразующие факторы, в этом случае ресурсы общества используются не на прогрессивное развитие, а преимущественно в интересах прагматичных конкурентов. Существенную роль в этом инволюционном процессе играет деградирующая элита. Так, денежные ресурсы, аккумулированные олигархией в период первоначального накопления и приватизации, не включаются в процесс российской модернизации, а работают в экономиках зарубежных стран. По оценке С.Ю. Глазьева, Россия предоставила странам Запада, главным образом США, "в общей сложности до 150 млрд. долл. низко- или беспроцентных кредитов в форме вывоза капитала и ввоза иностранной валюты" [23, с. 38]. С точки зрения социальной синергетики отношения России и Запада конструируются как неэквивалентные, точнее, как отношения "жертвы" и "хищника".

В гомеостатическом состоянии общество выступает детерминированным объектом управления. Социальный порядок поддерживается с помощью социального контроля, но в управлении обществом центральную роль играет бюрократия. Она корректирует социальные отклонения посредством управленческого механизма, в том числе и отрицательной обратной связи, что позволяет обществу сохранять устойчивое положение длительное время, даже если в нем возникают отклонения от нормы. Отрицательные обратные связи обеспечивают стабильность социальных структур и процессов в хаотической среде. Но ситуация принципиально меняется, когда социум оказывается в зоне бифуркации. Тогда бюрократия перестает выполнять рациональные управленческие функции и под влиянием мотивов выживания начинает преследовать собственные интересы, вызывая дезорганизацию в структуре отрицательных обратных связей. В обществе нарастают девиации, угрожающие стабильности общества. Прогрессирующие дисфункции отрицательных обратных связей усиливают кризисные тенденции в социуме и в механизме государства. Бюрократия в своих интересах может использовать ресурсы государства. Поскольку главный ресурс государственного аппарата - власть и возможность извлекать из должности выгоду, в руках бюрократов этот ресурс конвертируется в другие виды капитала, прежде всего в материальные блага. "...По мере того, - писал П. Бурдьё, - как развивается процесс институционализации и возрастает мобилизационный аппарат, на практике и в настроениях непрерывно усиливается весомость императивов, связанных с воспроизводством аппарата и предлагаемых им постов, привязывающих к себе тех, кто их занимает, всякого рода материальными и символическими интересами, в ущерб императивам стремления к достижению целей, провозглашенных аппаратом" [24, с. 217].

В условиях кризиса этот дефект бюрократии усиливается. Механизм государства из эффективной машины превращается в дисфункциональную структуру, игнорирующую национальные цели и социальные интересы большинства населения. Социум быстро дезорганизуется и становится чувствительным к случайным возмущениям на микроуровне, где большинство людей непрерывно борются за выживание. Структуры управления, ориентированные на детерминированные процессы в равновесном обществе, не могут осуществлять прежний контроль, так как неустойчивое общество генерирует новые феномены дезорганизации и распада. Это ускоряет делегитимацию институтов и символов старой политики, тем более что ее цели подменены интересами бюрократии. Эскалация кризиса раскалывает бюрократию на субэлиты, которые ориентируются либо на властвующую элиту, либо на контрэлиты. Силовое воздействие на социум может привести к скромным результатам или спровоцировать коллапс.

В условиях кризисного социума должна измениться концепция социального управления. Если в устойчивом обществе преобладают процессы, репродуцирующие социальный порядок, в основном с помощью отрицательной обратной связи, то в состоянии неустойчивого равновесия важную роль играет положительная обратная связь, способная вызывать резонансные эффекты. Положительная обратная связь стимулирует флуктуации. Так, реакция социума на социальные отклонения, которые в стабильный период имели для него второстепенное значение, в неустойчивой ситуации необычайно усиливается. В этот момент на первый план выходят нелинейные связи и отношения, которые могут резко увеличить роль случайности, особенно в поле политики. Это требует новых подходов к социальному управлению, включая синергетический. Искусство синергетического управления состоит в том, чтобы найти соразмерное сочетание положительных и отрицательных обратных связей. Тогда социум способен обеспечить стабильность и творческую, инновационную самоорганизацию. Следовательно, социальное управление с точки зрения синергетики не должно быть жестким, поскольку сильные управленческие воздействия подавляют творческие новации, которые могут открыть обществу возможности продуктивного развития.

Кроме того, в момент бифуркации необходимо учитывать альтернативность будущего развития и особенности нелинейного поведения социума, ограничивающего управляющие воздействия. Для того чтобы управленческий механизм в бифуркационной

полосе развития был эффективным, следует применять технологии, адекватные процессу социальной самоорганизации. Синергетическое управление предстает как поиск динамичных социальных топосов, где желательные инновации генерируются благодаря максимальному социальному резонансу. В этом случае величина социального результата определяется не силой воздействия, а топологической согласованностью со свойствами социума [25, с. 5].

Социосинергетика позволяет по-новому посмотреть на трансформационные риски и управление кризисным социумом. Оно должно быть адекватным нелинейной природе социоструктурных процессов и критерию опережающего предупреждения потенциальных угроз. Это имеет безусловную научную значимость и актуальность. Следовательно, в управленческой деятельности, особенно в бифуркационный период, нельзя игнорировать синергетические аспекты системной трансформации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Синергетика: начала нелинейного мышления // *Обществ. науки и современность.* 1993. № 2.
2. *Ласло Э.* Рождение слова - науки - эпохи // *Полис.* 1993. № 2.
3. Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. М., 2000.
4. *Бурдые П.* Социальное пространство и символическая власть // *Начала.* - М., 1994.
5. *Стиглиц Дж.* Куда ведут реформы? (К десятилетию начала переходных процессов) // *Вопр. экономики.* 1999. № 7.
6. *Некlessа А.М.* Трансмутация истории // *Вопр. философии.* 2001. № 3.
7. *Львов Д.С.* Экономика развития. М., 2002.
8. *Римашевская Н.М.* Человеческий потенциал России: взгляд в 21 век // *Народонаселение.* 1999. № 1.
9. *Бранский В.П.* Социальная синергетика как постмодернистская философия истории // *Обществ. науки и современность.* 1996. № 6.
10. *Арнольд В.И.* Теория катастроф. М., 1990.
11. *Моисеев И.М.* Алгоритмы развития. М., 1987.
12. *Кастельс М.* Могущество самобытности // *Новая постиндустриальная волна на Западе.* Антология. М., 1999.
13. *Сорокин П.А.* Дальняя дорога: Автобиография. М., 1992.
14. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // *Избр. произведения.* М., 1990.
15. *Сорокин П.А.* Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994.
16. *Нестеренко А.* Современное состояние и основные проблемы институционально-эволюционной теории // *Вопр. экономики.* 1997. № 3.
17. *Хоскинг Д.* История Советского Союза 1917-1991. М., 1996.
18. *Пивоваров Ю.Л.* Урбанизация России в 20 веке: представления и реальность // *Обществ. науки и современность.* 2001. № 6.
19. *Клименко В.В.* Россия: тупик в конце туннеля? // *Обществ. науки и современность.* 1995. № 5.
20. *Пантин И.К.* Драма противостояния демократия/либерализм старой и новой России // *Полис.* 1994. № 3.
21. *Дерлугьян Г.* Крушение советской системы и его потенциальные следствия: банкротство, сегментация, вырождение // *Полис.* 2000. № 2.
22. *Косолапов Н.А.* Международно-политическая организация глобализующегося мира: модели на среднесрочную перспективу // *Обществ. науки и современность.* 2001. № 6.
23. *Глазьев С.Ю.* Состоится ли в 1999-м переход к политике роста? // *Российский экономический журнал.* 1999. № 1.
24. *Бурдые П.* Социология политики. М., 1993.
25. *Князева Е.М., Курдюмов С.П.* Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // *Вопр. философии.* 1992. № 12.